

В.А.Ядов: “Естественно, кандидат на стажировку за рубежом подлежал рассмотрению со стороны Большого дома. Звонит некто, представляется просто как «сотрудник» и предлагает встретиться в Таврическом саду в каком-то месте (дело было весной). спрашивает, очень ли я хочу поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете выполнить наше задание?» Я интересуюсь, какое именно. Он говорит, что сам этого не знает, но его коллега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. Как, спрашивает, зовут вашего тестя? – Николай Григорьевич. – Так вот, к вам обратится Николай Григорьевич.

Подходит молодой дядя с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги, что суть поручения мне изложит очередин Николай Григорьевич из нашего посольства в Лондоне. В посольстве на Хайгет-стрит третий Н.Г., еще более молодой (думаю, что проходил свою зарубежную стажировку), формулирует задание: следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой.”

В.А. Ядов:
**«...НАДО
ПО ВОЗМОЖНОСТИ
ВЛИЯТЬ
НА ДВИЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ
ПЛАНЕТ...»***

Часть 2

Социология и «компетентные органы»

Новые поколения уже не представляют, и, возможно, не верят в то, что социология развивалась под недремлющим оком КГБ. Мог бы ты привести пример того, что это все же было?

Я бы не сказал, что КГБ присматривал за социологией. Эту функцию выполняли парторганы и цензура, а упомянутая организация опекала социологов в ряду других, кто попадал в поле зрения отдела «по работе с интеллигенцией».

В 1963–1964 годах меня направили по обмену на стажировку в Англию. Предложил кандидатуру ректор Александр Данилович Александров [1]. Данилыч, как мы его называли, будучи выдающимся математиком, членом Академии,

* Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. Часть 2. 2005. № 4. С. 2–10.

серьезно относился к философии. Тогда во всех научных институтах вместо политзанятий, обязательных в любом учреждении или на предприятании, проводились философские семинары. Однажды, вижу как сейчас, ректор выступает с докладом на философском семинаре нашего факультета по проблеме свободы и необходимости и выражает несогласие с известной формулой Гегеля и Маркса «свобода есть осознанная необходимость». Говорит что, если передо мною три лунки, то остается лишь выбрать наиболее удобную. А я хочу выкопать четвертую лунку! Наши философы оцепенели и как-то обиняком стали возражать, но потом долго обсуждали проблему.

Данилыч организовал из молодых преподавателей с разных факультетов свой семинар. Вначале собирались у него на квартире, потом по очереди на квартирах участников. С нашего факультета в нем были пятеро, в том числе Юрий Асеев [2], Владимир Иванов [3], Маша [4] и Борис [5] Козловы.

Все, кроме Асеева, позже защитили докторские диссертации. Юру обвинили в нарушении инструкции «О поведении советских граждан за рубежом» и перекрыли путь к защите. Обсуждали диалектику, теорию относительности, генетику и, конечно, разные социальные проблемы на закате хрущевской оттепели. Так вот, Данилыч включил Асеева и меня в первую группу по обмену с зарубежными университетами.

Естественно, кандидат на стажировку за рубежом подлежал присмотру со стороны Большого дома. Звонит некто, представляется просто как «сотрудник» и предлагает встретиться в Таврическом саду в таком-то месте (дело было весной). Спрашивает, очень ли я хочу поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете выполнить наше задание?» Я интересуюсь, какое именно. Он говорит, что сам этого не знает, но его коллега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. Как, спрашивает, зовут вашего тестя? – Николай Григорьевич. – Так вот, к вам обратится Николай Григорьевич.

В Москве, где собрались десятка два стажеров разных специальностей, «коллега», представившийся Николаем Григорьевичем, звонит мне в гостиницу и назначает рандеву возле ресторана «Берлин». Минут пять я топчусь в условленном месте. Подходит молодой дядя с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги, что суть поручения мне изложит очередной Николай Григорьевич из нашего посольства в Лондоне. В посольстве на Хайгет-стрит третий Н.Г., еще более молодой (думаю, что проходил свою зарубежную стажировку), формулирует задание: следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой. Дело нехитрое, так как, сам понима-

ешь, проверить мою догадку о будущей карьере студента не смогли бы и десятки николаев григорьевичей.

В общежитии Лондонской школы экономики и политических наук я приятельствовал с парнем по имени Майк лишь потому, что его комната оказалась рядом. Парень был из семьи предпринимателя средней руки. Его я и назвал в качестве перспективного в будущем политика. Перед отъездом домой мой шеф из службы атташе по культуре сказал, что я должен представить его Майку как своего друга. Сел за руль и, ей-богу, не преувеличиваю, петляю по Лондону, прежде чем подъехать к общежитию на Рассел-сквер. Приятеля моего мы нашли в студенческом баре. Я их познакомил за кружкой пива, и на другой день Н.Г. диктует мне текст на почтовую открыточку (дату не ставьте). Текст примерно следующий: «Дорогой Майк. Извини, что долго молчал. Много работы преподавательской и исследовательской. Посылаю с моим другом (пропущено) небольшой сувенир. Надеюсь, тебе понравится. Обнимаю, Володя». Далее Н.Г. инструктирует, что с этой минуты с адресатом послания я должен прервать всякие связи. Он, видимо, доложил о выполнении своей миссии, а я поступил как велено, в чем дал расписку.

Через 36 лет меня включают в делегацию Российской академии наук для подписания в Лондоне соглашения о сотрудничестве с Британской академией Ее Величества. Получаю по электронной почте письмо: ваш товарищ по LSE, (т.е. мой друг Майк) узнал о вашем визите в Лондон и хотел бы встретиться. У него нет электронного адреса. Сообщите где и когда это было бы возможно. Визит затягивался, я ушел с поста директора института и не был включен в делегацию РАН. Таким образом, насчет успешности своей деятельности как агента КГБ я остаюсь в неведении...

Это начало шестидесятых, «железный занавес». А что-нибудь попозже?

Расскажу забавную историю на ту же тему об использовании ученых «компетентными органами» в годы перестройки. В конце восьмидесятых вместе с экономистами еду на советско-финский симпозиум в одном купе с академиком Львовым [6]. Дмитрий Семенович оказался интереснейшим собеседником. Между прочим говорит, что начал писать мемуары. Я прошу поведать какой-нибудь «мемуар». Он рассказывает о своем предыдущем визите в Финляндию. Я, говорит, был руководителем делегации экономистов на конференции в Тампере. Из ЦК меня попросили включить в делегацию «их человека», которого я должен был представить как сотрудника нашего института. В конце первого дня конференции хозяева пригла-

шают всех в сауну, но этого почему-то отдельно. Конференция закончилась, на вокзале ожидаем поезд в Хельсинки. Мой «сотрудник» внезапно хватает брошенную на скамейке газету с фотографией голых мужчин в сауне и заявляет, что один из сидящих на полке – он. Это – провокация. Мы должны немедленно ехать в посольство. В Хельсинки мы прибыли поздним вечером, и я договорился о встрече с послом на завтра. Ничуть не сомневался, что товарищ тронулся, и в беседе с послом сообщаю, как прошла конференция. Этот меня нервно перебивает и протягивает послу газету. Что, думаете, сделал посол? Взглянул и говорит: товарищ Петров, ерунда какая-то, вы ошиблись. Газета старая, и к вашему пребыванию в Тампере отношения не имеет, так что, пожалуйста, не беспокойтесь. Газету между тем положил на свой стол и не вернул. Я думаю, этот Петров был вроде моего Николая Григорьевича, которого послали на стажировку в Финляндию, дружественную страну, как не лучшего из выпускников Академии КГБ.

Для полноты картины, может быть еще иллюстрация?

Есть, это связано с началом моей работы в качестве директора-организатора Института социологии РАН. Знакомлюсь с сотрудниками из администрации. Начальник первого отдела, который отвечал за документы для служебного пользования, доверительно говорит, что временно отсидживается после работы в какой-то стране. Я договорился с начальством в Президиуме академии совместить первый отдел с отделом кадров, поскольку «ДСП» у нас мало. Должность сократили.

Дальше отправился в подразделение обсуждать их исследовательскую деятельность. В штатном расписании обнаруживаю закрытый отдел (около 30 человек), располагавшийся в другом здании, далеко от главного. Знакомлюсь с их работой. Заведующий отделом с социологией был знаком «шапошно», но сотрудники явно профессиональны. Тематика – аудитория зарубежных радиостанций, настроения советских немцев... Напомню, что это время пика перестроечного энтузиазма. Иду к вице-президенту по социальным наукам, академику Владимиру Николаевичу Кудрявцеву [7]. Он, будучи директором Института предупреждения преступности, основательно внедрял социологию в среду юристов, был членом Президиума ССА. Добрыми отношениями с ним я горжусь. Предлагаю Кудрявцеву ликвидировать отдел. Он, как знаток кремлевских игр, организует встречу с заместителем председателя КГБ Бобковым [8], который отвечал за работу по линии «инакомыслящих» (сегодня шеф охранной службы крупной компании). Предлагается коньяк. Чтобы подчеркнуть доверительность

встречи, Бобков при мне отдает распоряжение грузинским товарищам отпустить арестованную в Тбилиси Новодворскую [9]. И говорит мне: «Вы ведь знаете эту анархистку?» Может, читал перед приемом мое досье, где, наверное, зафиксирована единственная встреча с Новодворской перед собранием нашего клуба «Перестройка».

Я вполне секу его показные штучки и, улучшив момент, говорю, что злополучный отдел надо ликвидировать и что «внедренные» в него сотрудники Комитета мало профессиональны как социологи и к тому же недостаточно умны. Привожу факт: я отдал приказ о премирвании, в котором было имя одного сотрудника из того отдела. Приказ вывешен на стенке. Иду в свой кабинет и вижу этого человека, поджидающего меня возле доски с приказами. Он говорит: «Владимир Александрович, не надо мне премию объявлять, я уже получил». Так как же расценивать ваших людей, если они в коридоре заявляют, что откомандированы в академический институт с Лубянки?

Бобков предлагает заключить официальный договор между институтом и ЦК КПСС о выполнении заданий ЦК и обещает убрать дураков. Не возражает против назначения заведующим отделом профессора Вилена Иванова [10], которого я сменил на посту директора. Дальше начинается волокита, приезжает гэбешник, и мы бесконечно согласовываем «договор с ЦК КПСС». Встречаюсь с Владимиром Николаевичем и рассказываю все это, а в конце предлагаю отдать распоряжение о преобразовании отдела и покончить с его прежней деятельностью. В противном случае, говорю, Татьяна Ивановна [11], которую мы выбрали от академии и ССА на Всесоюзный съезд народных депутатов, заявит на съезде, что в социологическом институте Академии до сих пор существует подразделение, работающее по заданиям КГБ. Кудрявцев говорит – согласен, пишите предложение на мое имя. Отдел был преобразован с тематикой по анализу динамики общественного мнения, а при создании Института социально-политических проблем Геннадия Осипова [12] отошел в новый институт.

Дела ленинградские

Несколько лет мы вместе проработали в ИСЭП АН СССР, еще предстоит осмыслить тот период существования ленинградской/петербургской академической социологии. Может начнем?..

Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) – это в каком-то смысле дубль ИСИ при Руткевиче [13]. Тот был «бульдозером», за рулем которого – отдел науки ЦК, а Ивгларф

Иванович Сигов [14], директор ИСЭП, –точно такой же бульдозерист, только пониже рангом.

Сигова перебросили в наш институт с должности председателя комиссии партконтроля при ОК КПСС. Доктор по экономическим наукам, возможно, вполне заслуживший свою степень. Социологию терпел, потому что было указание сверху насчет ее полезности в социальном планировании. Ничего в ней не смыслил и главное – не желал что-то понять. Авторитарный тип личности. Коктейль: обком+гэбе – 70 процентов, марксистская политэкономическая закалка – 25 процентов и тип личности – на остаток.

Надо добавить, что поили нас этой «ивглафией», если вообразить директора хозяином бара, после недолгого руководства институтом Гелия Черкасова [15], щедро предлагавшего совсем иные напитки. ИСЭП был создан на базе разных академинститутутов (филиалов московских), включая математиков-компьютерщиков. До прихода в ИСЭП Черкасов был заместителем ректора Финансово-экономического института. Именно он пригрел Овсея Шкаратана [16] с группой и даже создал какую-то специализацию, близкую экономической социологии, это было ново и прогрессивно. Это был «наш человек». Не в обыденном смысле «своего человека», но в идейно-нравственном. Русский интеллигент высокой пробы, то есть глубоко уважающий свое достоинство и равно – других, экстраверт (по психтестам не стоило и проверять) и, наконец, законченный «придурак». Он начал с того, что собирал начальников объединяемых институциональных структур у себя дома или у кого-либо из этой компании. Мы обсуждали концепцию ИСЭП и т.п. Как он там в обкоме все представлял, не знаю. Знаю, что наша программа была была сильной, инновационной. Во главе экономического, математического и социологического отделов были реальные лидеры в этих областях. Пошли семинары, где мы притирались друг к другу. И вот, назначают Сигова. Контраст резко обострил отношение к начальству. Черкасов вскоре умер, видимо, для него это было потрясением. Но память добрую мы храним.

Сиговщина началась с разработки общественно-полезной программы – ленинградского плана социального развития. Экономисты восприняли это нормально, математикам – все едино, что считать, социологи – раскололись. Борис Парыгин [17] возглавил одну фракцию, я – другую. В нашей были три сектора из четырех: сектор Бориса Фирсова [18], Овсея Шкаратана и мой; три из четырех, исключая парыгинский.

Перед глазами – заседание Ученого совета, на котором Сигов подбирает всех под Программу социального развития. А наш

сектор – в самом разгаре полевых работ по проекту «само-регуляции» поведения человека. Парыгин (к тому времени Сигов меня снял с руководства отделом социологии и назначил Парыгина) ораторствует в поддержку. Я ору больше других из наших. Решение будет позже принято дирекцией. Не поверишь, какой поступок я совершил через пяток минут после заседания. Пришел к Парыгину и стал убеждать, чтобы наш сектор оставили в покое. Стоит как скала. Я психанул и говорю: «Боря, встаю на колени, не делай этого!» И, клянусь, встал на колени. Этот эпизод до сего дня сидит в памяти как позор. В отделении АН СССР, потом – РАН, уже в Москве я держался как святой Августин, пронзенный стрелами, а здесь...

В итоге мы коллегиально решили, кто будет от сектора изображать соцпланирование. Андрей Алексеев [19] (нравственный лидер в команде) взялся сыграть заданный режиссером образ. Ему это было не так накладно, потому что болел за рабочий класс и имел свои исследовательские планы на этот счет.

Теперь рефлексии относительно Парыгина и Андрея. Парыгин после отстранения меня с председательства в Ленинградском отделении ССА «принял эстафету». Не так давно Игорь Кон [20] передал мне подаренный ему в Питере роскошный гляцевый журнал *University Magazine*, издание Петербургского университета профсоюзов с фото Парыгина на обложке и фрагментом из интервью (слова интервьюера): «живого классика», «лидера международного ревизионизма».

Что он там наговорил, необразишь. «Классик», поскольку первым осмелился утверждать социальную психологию, «лидер ревизионизма» потому, что на инструктивной конференции ЦК по общественным наукам его упомянули рядом с чехословацкими протестантами. Дальше повествует, как он страдал от КГБ и парторганов. Множество фото; Парыгин с нобелевским лауреатом Жоресом Алферовым [21], с Ядовым за столом президиума, с Галиной Старовойтовой [22]. Понимает, что сегодня подать на публику.

Еще тебе свидетельство Бориной научной славы. На рубеже 1970–1980-х он разработал методику измерения психологического климата в трудовом коллективе. Методика вызывала сомнения по части надежности. Эта методика не имела никакого отношения ни к измерению психологического климата, ни к науке вообще. Помнишь, Володя Лосенков [23], подражая Хармсу, писал: «Парыгин идет вдоль Таврического сада с расчехленным климометром». Не буду продолжать тему, грустно все это...

В преддверии перестройки вы с Фирсовым уже не работали в ИСЭП, Андрей Алексеев уже несколько лет работал станочником на заводе, Кесельмана [24] – уволили; как правило, тридцатилетние не ориентировались на подготовку кандидатских диссертаций, а сорокалетние – докторских; исследовательские темы носили сугубо региональный характер и т.д. Думаю, что если бы не приход Горбачева, то в начале второй половины 1980-х годов социология в ИСЭП была бы «прикончена». Так ли это?

Предполагать «обратно», можно, конечно, хотя не слишком уверенно. Я знаю реальную историю ИСЭП. В период перестройки и несколько позднее. Сигова сменил на посту директора вполне пристойный ученый. Баллотировался Анатолий Чубайс [25], не прошел. Недавно Президиум академии предпринял очередное укрупнение и сокращение институтов РАН с передачей части из них в региональное ведомство. ИСЭП был определен региональным, но благодаря Жоресу Алферову, одному из вице-президентов РАН, сохранил статус федерального института. По сути, он остается региональным по Северо-западной проблематике. Но я не думаю, что это «перемирие» в социальных науках. Академик Львов как-то заметил, что Евросоюз – множество государств, но по сути одна страна, а Россия одно государство и множество стран. Николай Лапин [26] начинает сейчас проект составления «социологической карты» российских регионов.

Можно ли говорить о существовании ленинградской социологической школы?

О «школе». Володя Костюшев [27] опубликовал материалы симпозиума, который он же и организовал по случаю юбилея нашей лаборатории. Я полагаю, что помимо пионерства нас отличала неофитская тщательность в соблюдении правил эмпирического исследования. В проекте «Человек и его работа» сами интервьюировали почти три тысячи рабочих (кроме молодых была контрольная группа немолодых), делали пробу и исправляли инструмент, тест-ретест на устойчивость данных, обоснование стратификационной выборки – по статистикам отраслей промышленности, надежность – путем сопоставления оценок мастеров каждого из рабочих с записями в его трудовой книжке, придумывали разные индексы по ответам респондентов, строго соблюдали доверительные интервалы статистик вывода, использовали факторный анализ, корреляционные графы и, наконец, интервью лицом-к-лицу с открытыми вопросами. Мы работали дружной командой.

Галя Саганенко [28], выпускница математико-механического факультета ЛГУ по кафедре математической статистики, применила свои знания к решению общей задачи исследования, «при-

мкнувший» психолог Анатолий Свенцицкий [29] предложил, как сейчас бы сказали, качественную методика, Андрей Здравомыслов изобрел индекс «логического квадрата», и он же, как я говорил, предложил ввести операциональное определение характера труда. Понятно, что мы стали первопроходцами в СССР. Но именно «дома», хотя работу перевели в Америке в смысле «Надо же? Тоже умеют». Честно говоря, я не думаю, что западные коллеги следуют социологическому «Ветхому завету» от Мертона [30]. Мертон, по рассказу его тогдашнего аспиранта, озадачивал студентов: сколько возможных смыслов в вопросе «Почему вы купили эту книгу?». Книгу, а не статью автора – один. Вы сами, а не кто-то из коллег. Купили, не взяли в библиотеке. И главный – почему? Получается четыре вопроса. Не зная Мертона в этой роли, но штудировавшие Лазарсфельда – апостола «количественной» социологии, – мы все и делали по «Ветхому завету».

Под твоим руководством, думается, защитилось не менее трех десятков аспирантов и соискателей. Но в секторе – народ не очень стремился к защите. В чем дело?

Между прочим, к данному времени – уже больше шестидесяти. Но до введения социологии в список ВАКа – особенно много, так как не было профессиональных руководителей. Теперь насчет защит членами нашей кампании. Началось с того, что практичная Галя Саганенко сказала: «В.А., пока вы не защитите докторскую, нам нет хода». Я взял трехмесячный отпуск и сочинил нужное ВАКу (по философии все же). Борис Фирсов устроил меня в особняк писателей «Комарово». Комната и полная тишина. Только по вечерам человек пять собираются за чаем. Был там поэт-песенник Леша Лялин, автор шлягера «Топ, топ, топает малыш». Он клеился к Люке [31], которая приезжала в свободные дни. Рассказывает: «Леша царапается в дверь. Люка,пусти!» Мне было приятно: а) что царапается и б) что не впускала. Итак, я сочиняю докторскую на основе книги по методологии социологических исследований. Здесь-то и обратился к сочинениям ученых-научков, другим работам, что, поначалу казалось, не были нужны «по делу», а лишь для демонстрации ВАКу научной эрудиции. Позже понял, что они действительно полезны для дела.

Расскажу о самой защите, это было в 1967 году. На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт [32] из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой и товарищами по лаборато-

ри переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева [33], мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт – крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

Твоя докторская диссертация была первой по методологии социологических исследований? Когда это было и кто согласился быть оппонентом?

Андреева, как я сказал. Сектор Юрия Левады [34] в ИКСИ выступал оппонировавшей организацией – второй (по алфавиту). Он мне устроил предзащиту в своем секторе в Москве и изругал отчаянно. Уже потом я прочел о семинарах Капицы [35], на которых удостоившемуся бескомпромиссной критики мэтра завидовали. Я свой долг постарался вернуть. В начале перестройки. Максимовы, ведущие на телевидении программу «Общественное мнение», вытащили Леваду из ЦЭМИ, где он отсиживался после изгнания из ИКСИ, и показали всей стране.

Оппонентом был также А. Харчев [36], член Совета. Он ничего не читал, подписал «рыбу», что я сочинил на себя.

И тем не менее сотрудники твоего сектора не «бросились» защищаться...

Да, действительно, решительно никто не собирался защищать диссертацию. Андрей Алексеев и Валерий Голофаст защитили кандидатские раньше, чем я докторскую. Лиля Бозрикова [37], Таня Протасенко [38], твоя Люся [39] и Леся Кесельман защите определенно не планировали. Олег Божков [40] поддался нажиму и начал ходить на занятия по английскому. Итог таков; на наших посиделках он продолжал вязать из шерсти, но, отрываясь от этого занятия, восклицал «аск» с одобрением или вопросом. Валерий Голофаст ораторствовал о смыслах высказываний респондентов, цитировал феноменологов. Это было очень полезно для нашего развития. Вера Водзинская [41] и Люся скрупулезно «выругивали» полевые инструменты. Только Галина Саганенко, самая амбициозная, написала докторскую и защитила ее в начале 1990-х в Москве. Галя – спортсменка, скалолаз. Участвовала в снятии со шпиль Адмиралтейства парусника для реставрации – питерской эмблемы. Поначалу была несколько косноязычна, она родом с Дальнего Востока. Сегодня блистает на ТВ, читает курс где-то в Бенилюксе на английском, заведует кафедрой и прочее.

Володя Магун [42], который сейчас руководит сектором в нашем институте, – несомненный лидер в проблематике исследования динамики потребностей и мотивации постсоветских

россиян, публикуется в западных журналах. Он мне предложил напоминать ему о докторской каждый год. Я перестал, бесполезно. Те мои друзья по лаборатории, кто диссертацию не защищал, – золото высокой пробы. Это люди, живущие возвышенными интересами, стремлением помочь обществу понять самого себя. Черчилль писал в мемуарах: чтобы сохранить науку, не надо кормить ученых. Греет душу, что и в Центре исследований социальных трансформаций ИС РАН, которым я руковожу, трое «придурков»: публикаций уйма, писать диссертацию клянутся, но времени на это не находят.

После смерти Валерия Голофаства [43] меня стала интересовать судьба моего поколения, условно называю шестидесятилетними. Границы поколения трудно определить, ибо в науке оно определяется не только возрастом. К этому поколению относят себя Володя Шапиро [44], он родился в 1937 г., Миша Косолапов [45] и Франц Шереги [46] (1944 г.); я – из этого поколения (1941 г.). Есть пессимистическая точка зрения – это поколение – потерянное, но есть более спокойные оценки. Что ты скажешь по этому поводу?

Некоторые имена ты уже назвал. Добавлю, к примеру, Александра Гофмана [47]. Он блестящий ученый, который сейчас несколько отошел от занятий историей социологии и тонко исследует особенности миросистемных, но прежде всего российских трансформаций под углом зрения социокультурных процессов. Его «Семь лекций» по истории теоретической социологии студенты считают наилучшим пособием. Галя Саганенко творит в методологии нечто на стыке качественного и количественного анализа, придумывает новации. Если попытаться подсчитать численность видных социологов шестидесятников и шестидесятилетних, вторые мало уступят первым. Шестидесятники больше на виду в силу пионерной роли в отечественной социологии. Стать лидером в олимпийском марафоне из сотен очень трудно.

А что можно сказать о тех, кому сейчас 40+, 20+?

Здесь я оптимист, полагаю, не без оснований. Называть имена не стану, чтобы не задеть чье-то самолюбие из, скажем, сорокалетних. Самолюбие упомянул не случайно, потому что эти ребята обоих гендеров в большинстве отличаются изрядной амбициозностью. Они современно образованы, а талантами наша страна истари не была обделена. Иногда на каком-нибудь московском или ином российском интеллектуальном сборище мы, «старички» присядем в уголок во время перерыва и делимся восторгами по поводу нетривиальных высказываний такой-то или такого-то из «молодых». Я мог бы назвать больше десятка из тех, с кем постоянно общаюсь и кто пользуется успехом,

блистает на международных форумах, приглашаем в европейские и американские университеты для чтения лекций (и не обязательно по российской проблематике), кто входит в редакционные советы престижных журналов, председательствует на международных симпозиумах, удостоен разных западных дипломов и прочее. Эти коллеги отлично вписались в социологическое мировое сообщество. Самое же примечательное – они не стремятся покинуть страну, напротив, создают свои научные школы в обеих столицах, Новосибирске, в Самаре, Ульяновске, Нижнем Новгороде, Тюмени, Туве...

Российская социология, как и на Западе, коммерциализируется, науку же во все времена делали талантливые энтузиасты, «придурки». Их доля невелика, но здесь важна вовсе не численность. Уверен, и для этого у меня достаточно оснований, так как преподаю в разных университетах, что и в среде двадцатилетних таких людей не убавилось.

Недавно я участвовал в экспертизе работ выпускников московских школ, представленных на «Ярмарку идей». Мэр Лужков открыл «Ярмарку», которая заняла три этажа нового высотного здания Президиума РАН. Эксперты двинулись к стендам, возле которых ребята дожидались мэтров. Слушаю двоих мальчишек относительно германского фашизма и неофашизма в России. Смотрю их текст. Ссылки на А. Галкина [48], на бредни наших бритоголовых из Интернета. На стенде: Проблема, Задачи, Гипотезы, Методология, Результаты, Выводы и Рекомендации. Такой же формат на всех стендах. Защита минидиссертации. Из восьми работ, что компьютер предложил мне оценить, шестерых авторов я пригласил поступать на факультет при Институте социологии РАН. Теперь представь, из 25 человек (норма приема на первый курс), шесть «придурков» точно будет. Наверняка. И кто-то еще окажется таковым.

В прошлом году пятеро первокурсников (сейчас это второй курс) начали под руководством сотрудников нашего Центра исследований социальных трансформаций коллективный проект о трудовых отношениях. В текущем году таких трое: проект – преодоление травмы перемен. На нынешнем четвертом курсе, где я преподаю, предложил: посмотрим в какой мере западные поведенческие практики приживаются у нас. Привычка придерживать за собой дверь в метро. Говорю, что надо наблюдать компанией, один считает то, другие – иное. Но ребята-то «модерные». Говорят: снимем на видео. Пошли с видеокамерой к двум станциям в разное время рабочего дня, снимали на входе и выходе, а потом внимательно анализировали видео. Зажглись идеей. Володя Костошев взялся сделать то же в Питере («Окно в Европу»), Зара Саралиева – в Нижнем Новгороде. Пал Тамаш,

директор Института социологии Венгерской академии, прочел лекцию нашим студентам и немедля согласился с их предложением расширить проект до ЕС, включив в команду венгров и немцев. Джерри Панкруст (Jerry Pankrust) из университета штата Огайо тоже читал у нас и также примкнул к студенческому проекту. Ясно, что итогом станет нестыдная публикация, которую с ходу примет любой международный журнал. Я подозреваю, что доля чужаков стабильна не только среди соотечественников. Известный эксперимент Милгрэма [49] с крысами это доказывает. Грызунов поместили в идеальные условия. Однако сделали пропасть, в которой пылал огонь. Эксперимент получил известность под названием «крысиный Рай и Ад». В большинстве популяций находились те, кто сигал в адскую пропасть. Милгрэм назвал это инстинктом «Что такое?» Этологи, что изучают поведение животных и Homo sapiens , говорят нам: придурки – это некая видовая константа в популяции. Без них невозможна эволюция. Может быть, не стоит гордиться тем, что ломоносовы лишь в России?

Поколение шестидесятников известно серией мощных многоцелевых проектов с использованием большого числа разных методов и приемов. Не буду напоминать, это уже классика. Есть ли подобная перспектива у современных российских социологов? Может новые задачи и неустойчивость социального мира не предполагают наличия таких проектов?

Боюсь, что в обозримом будущем такого не будет. И не только в России. Не знаю ни одного *теоретико-прикладного* исследования после Мелвина Кона [50], то есть исследования, мотивированного побуждением «Что такое?». И уж потом – как на этом заработать. Есть отличные международные проекты, иницируемые ЕС (в одном мы участвуем). Деньги брошены немалые, создан научный совет умов из всех стран, который и долгосрочную программу предложил, и принимает решения по конкурсу заявок. Какие проблемы их интересуют? Где границы Европы и не-Европы, институциональные, культурные и прочие. Каковы следствия социального расслоения на ближнюю и дальнюю перспективу в посткоммунистических странах-членах ЕС и подобные. Конечно, здесь будут заметные теоретико-методологические результаты, но скорее как периферия, ибо центр внимания сугубо прагматический – планирование политики.

Я давненько не участвую во всемирных и европейских конгрессах, роскошествую на эстонском хуторе, потому что эти, воспитанные в протестантизме, не могут себе позволить прервать лекционный курс в своем университете. Июль – время для международных научных сборищ. Для нас же отпуск – святое дело (свобода от

государства, верно?). Когда я участвовал в конгрессах, то есть по меркам исторического времени – вчера, очень заметна была разница в «презентациях» товарищей из бывшего соцлагеря и западных. Последние бубнят по тексту, что роздан слушателям, и тематику я бы назвал мелочевкой. По тексту видно, что он написан специально для грантодателя, финансировавшего «трип».

Да, всегда в программе есть сессия «крупного» плана и заседания Исследовательского комитета по теории. Зал переполнен, стоят в дверях. Я сильно подозреваю, что не по причине понять «Что такое?», но потому, что конгрессмены читают множество разных курсов, и им надо быть «на уровне».

Наше время ушло. Это так. Будущее за прагматиками.

Мы много говорим о ленинградских/петербургских социологах разных поколений. Хочу попросить тебя рассказать о профессоре В. Я. Ельмееве.

Василий Ельмеев [51] с первых моих публикаций об эмпирической социологии начал энергично доказывать, что это психологизация и противоречит марксизму в смысле определяющей роли социально-экономических отношений. Поначалу я отвечал тоже в журналах, а потом перестал, решив, что такая полемика, с одной стороны, чревата оргвыводами, а с другой – не умерит его пыл. Василий, как я позже понял, был убежденным в своей позиции. Он предложил версию социологической эмпирики, которая опирается на государственную статистику и фактуальные вопросы в массовых обследованиях. Ленин в «Анжете для рабочих» такие вопросы и задавал («Какова продолжительность Вашего рабочего дня?» и т.п.).

Был конфликт публичного, но иного свойства, уже в начале перестройки. На общесоюзной конференции ССА, по-моему, в 1986 году Татьяну Заславскую единодушно избрали Президентом. Вскоре за этим созывается отчетно-выборное собрание Ленинградского отделения ССА, председателем которого был Парыгин. Заславская прибывает «Стрелой», чтобы договориться с обкомом об избрании Ядова. Поскольку время 8.30 утра, а уезжает она в тот же день, я везу Татьяну домой, не в гостиницу. Дальше – сюжет для небольшого рассказа.

В 10.00 Т.И. звонит второму секретарю обкома, то есть по пропаганде. Занимала его лихая женщина, естественно, продвинутая из обкома ВЛКСМ. Эта должность в СССР традиционно была «женской», в других республиках ее занимал русский – этническая корректность на советский манер. Помощник секретаря отвечает, что хозяйка кабинета на совещании. В течение трех часов ответ тот же. В полдень Татьяна звонит заведующему отделом пропаганды (для собрания, между про-

чим, обком предоставил большой зал в Доме политпросвета напротив Смольного), тот отвечает, что вопрос не его уровня, говорите с секретарем. К двум часам мы едем в Смольный без договоренности о приеме. Идем к заведующему отделом, и Т.И. в моем присутствии излагает суть своей «миссии». В конце концов нам говорят, что обком в дела ассоциации не вмешивается: все должно решить собрание. Время-то малоопытное, прямых инструкций сверху, видимо, не получили.

Переходим Смольную площадь, зал набит до предела. Человек триста. Обком представлен маленьким клерком, который усердно делает пометки в блокноте для доклада начальству. В президиуме Боря Парыгин и члены бюро. Василий Ельмеев «со дружиной» расселись кучно. Отчет слушают без особого внимания, ждут второго действия спектакля – выборов руководства. Кто и что говорил – опускаю. Я, само собой, не молчал. В какой-то момент, когда настроение собрания определилось, Вася и его команда демонстративно покидают зал. Избрали «шестидесятников».

Василий приложил немало усилий для создания социологического факультета в ЛГУ. В плюсах-минусах оценки его роли в нашей питерской социологии плюсы, я считаю, преобладают. Я глубоко уважаю его преданность своим взглядам, хотя решительно их не разделяю. Он определенно личность, действует по убеждению, не марионетка. Мы сегодня обращаемся на «ты» как товарищи, хотя остаемся при своих предпочтениях, у нас, как принято, в постмодернистском лексиконе – дискурс: каждый отстаивает свой взгляд, но уважает позицию оппонента. Недавно Василий звонил с просьбой поддержать его диссертантку. Я сделал все, что мог, хотя Совет голосовал против.

В России, Боря, личностные взаимоотношения – это святое. По ассоциации скажу, что нередко ко мне, как декану обращаются коллеги, мол, к вам поступает такая-то, моя родственница. Я говорю, что, как максимум обещаю не заваливать на приемных экзаменах.

О профессиональном сообществе в целом мы поговорили, тему поколений затронули, может теперь о твоей семье? Ведь в социологии есть династия Ядовых.

Да, это так. Коля [52] защищал работу в рамках диспозиционной концепции. Опрашивал полярников и для контроля – тех же специалистов, что работали в Институте Арктики и Антарктики в Ленинграде, не имея опыта экспедиции (непростой доступ к зимовщикам организовал мой школьный одноклассник Олег Седов, ставший полярником). Проблема – насколько реальные условия влияют на диспозиции личности. Изменяются

они под влиянием ценностных ориентаций или поведенческих аттитюдов, то есть сверху или снизу. Он тянул с работой очень долго, не хотел прикрываться фамилией и делал все крайне тщательно. Защита на психфаке прошла великолепно. Чтобы прокормить семью (теперь две дочки и сын), занялся неакадемической деятельностью, пошел работать к тебе в Северо-западный филиал ВЦИОМ. Сегодня это российско-финская фирма «Той-Опинион». Но радует, что Коля остается верен академической науке. Повторное исследование «Человек и его работа» его команда сделала за гроши, какие у нас были по гранту. Просто я сказал – денег у нас столько-то, больше нет. И они выложились по-полному. Одна из интервьюеров пишет: «на заводе альтернативный профсоюз изгнан, судится с администрацией, меня дирекция не допустила в цеха, пришлось ловить респондентов возле пивного ларька у проходной». Чувствуешь марку? Коля – наша с Люкой гордость. Например, такой факт. Он шеф российско-финского предприятия, а зарплату делит по справедливости, ничего себе не отстегивает. Звонит и спрашивает – папа, не можешь подкинуть? Отлично понимаю, что его семья могла бы жить как околноворусская, но у него есть нравственные пределы.

Старшая внучка Катя, которая одарила правнуком Димой, работает над кандидатской и успешно преподает в «Вышке» (Высшей школе экономики). Студенты говорят, что здорово. Мне – приятно.

Младшая Соня сейчас на третьем курсе социологического факультета в питерском университете. Недавно была включена в группу студентов, приглашенных в США на недельный визит в их университет. Я пару лет назад взял ее в Канаду (конечно, не за счет канадцев) на рабочее совещание по проекту трудотношений и, представь, Сонька там что-то говорила, вовсе не стыдное.

Люка стала основателем отечественной социопедагогике. Мы жили уже в Москве, когда мой школьный друг Слава Никаноров (крупный ученый физик, завлаб, а прежде зам. директора физтеха Алферова) позвонил и спросил, приеду ли я на защиту ее докторской. Я, поверь, не знал, что она пишет диссертацию. Тот же синдром, не прикрываться фамилией, хотя в нашей семье, начиная от родителей, жены сохраняли свою девичью.

И еще Майя Ядова, двоюродная внучка, о существовании которой я не знал. Она москвичка, окончила по журналистике и поступила в аспирантуру на наш факультет.

Звительный Валентин Гафт сочинил: «Россия, слышишь этот зуд? Три Михалкова по тебе ползут». Можно сказать: пятеро Ядовых ползут.

Итак, ты ответил на один из ключевых вопросов, задаваемых при изучении отношения к работе: «Посоветовали бы Вы Вашим детям выбрать Вашу профессию?» Может быть теперь ты вспомнишь про необычную историю твоей фамилии?

Насчет происхождения фамилии много версий, но ни одной надежной. Крайне редкая. Однажды я сказал коллегам, что в Ленинграде нет ни одного из Ядовых, кто не был бы моим родственником. Один из присутствовавших имел доступ к архивам городского паспортного стола. Он предложил пари на бутылку коньяка, что найдет не известных мне Ядовых. Принес штук шесть адресов, все почему-то из Красного села. Звоню тамошнему Ядову и спрашиваю, не из Тамбовщины ли его предки. А он сообщает, что его и других родственников прародители из Непала! Оказывается, в Индии и Непале Ядав – все равно как у нас Петров. Фамилию переиначили на русский манер. Есть семейная легенда, будто один из предков был управляющим у помещика в селе Ракша. Детей его прозвали ядовскими, это перешло в фамилию, когда после отмены крепостного права крестьянам стали давать собственную фамилию вместо клички по помещику. В позапрошлом году ездил к родственникам в Ракшу, откуда отец родом. Крупное село под Моршанском. До революции там были улицы Большая и Малая Ядовские. Спрашивали селян о Ядовых. Оказалось немало, но ни одного из кровных родственников. Село бедствует отчаянно, работы нет, люди живут своим участком, устраиваются в Моршанске.

Наконец, самое простое объяснение: фамилия от старорусского «яда» – еда.

Взгляд в целом: на жизнь и науку

Да, твое поколение сильное, оно многое видело и переживало...

Нам очень повезло. Столько исторических событий за 70 лет! Голод на Украине связан у меня с няней Грушей, которую папа подобрал возле булочной, где она нищенствовала. Ей было лет 16, расписывалась крестиком. Так и оставалась безграмотной, хотя у домработниц был свой профсоюз – домком, и ее пытались заставить учиться не только родители, но и профсоюзники.

В блокаду, когда маму с сестрой вывезли по Ладоге, она оставалась в городе и выжила. Груня была членом семьи, жила в выгороженном из коридора нашей коммуналки закутке. После войны получила комнату этажом выше. С ее комнатой связано интересное событие. Позвонил из Москвы Рой Медведев [53]

(мы дружны со студенчества) и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого – не сказал. В Грунину комнату и поселили. Она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, что она приносит. Уже теперь Рой сказал, что это был Солженицын [54]. Я его тогда не видел, он просил через Грушу не беспокоить.

Врезались в память похороны Кирова. Отец нес меня на плечах, когда шел в Таврический дворец, где стоял гроб. Жили мы рядом с Таврическим садом и в окно видели похоронную процессию во главе со Сталиным, разглядеть которого не могли, конечно. С Кировым оказался связан мой тестя. Он работал его помощником, и после смертельного выстрела несколько минут стоял с пистолетом возле потерявшего сознание Николаева [55], убийцы Сергея Мироновича. Тестя уволили из Смольного с великолепно бюрократической записью в трудовой книжке: «в связи с убийством С.М. Кирова». Но иных следствий не было. Портрет Кирова с автографом остается там, где его поместил тестя, в Колиной квартире.

Начало войны застало нас на даче. Дача была в Юкках, близко от города. Отец с утра пошел на озеро, а я – около 12 дня. Иду по селу, а там люди слушают уличный репродуктор, выступает Молотов. Бегу на озеро, где отец устроился на песке, коричневый от загара. Он вскочил и на весь пляж закричал: товарищи, война! Немедля уехал в город в белых штанах и белых парусиновых тапочках, что аккуратно освежал зубным порошком. Он был старшим лейтенантом запаса, связистом. Вернулся через четыре года. Жив остался потому, что почти всю войну служил начштаба особого батальона связи на финском фронте, где боев практически не было. Воевал уже в Пруссии и Харбине. В качестве трофея привез средневолновый приемник, который немцы называли «геббельсом», потому что он ловил только германские станции. Мы и сейчас в шутку так называем приемники. Однажды одна из внучек (примерно пяти лет тогда) заявляет: дедушка, а я знаю, кто поет. Это жена Геббельса.

К июню 1941-го я окончил четвертый класс. Немцы начали бомбить, но почему-то не фугасными, а зажигалками. Это термитные бомбочки, которые сбрасывались десятками. Мальчишки дежурили на крышах своих домов со здоровенными ухватами. Бомбу надо было сбросить вниз во двор. Мне не повезло. Счастливчики получили медаль «За оборону Ленинграда».

В конце июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в ав-

тобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!» Мы только что узнали о Зое Космодемьянской [56]. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции все горит. Все же погрузились в эшелон, и я попал в интернат возле Вологды. Сестра отца, тетя Клава, нашла меня там и вывезла в Ярославскую область, где работала в детском интернате (сколько гробиков захоронили на сельском кладбище в Контеево!). Зимой 1942-го бредем по снегу на станцию встречать эвакуированных ленинградцев. Я ожидал свою объемистую маму и тощую сестренку, а из теплушки высадились сухая старушка и вполне нормальная девчонка. Мама до конца жизни не выбрасывала картофельную шелуху, варила ее для себя и говорила, что это самое вкусное в картофеле.

О немцах еще два «мемуара». Военнопленных использовали как строителей, но некоторые работали расконвоированными водопроводчиками и электриками. Однажды мы с Люкой, десятиклассники, возвращаемся из-за города в электричке, и напротив сидит молодой немец. Люка неплохо говорила по-немецки. Этот военнопленный раскрывает узел и высыпает нам всю (именно всю) землянику, что собрал. Вспомнил, наверное, своих детей.

Другое воспоминание относится к моей учебе в авиационной школе в 1944-м. Курсанты получали изрядный хлебный паек, так что я чувствовал себя кормильцем семьи. Лётная школа размещалась на Московском проспекте, дом 100. Видим из окна колонну пленных, им устроили привал, сидят на мостовой. Нам в этот день выдали по буханке черного хлеба. Выбежали на улицу раздавать хлеб немецким доходягам. Конвойные кричат – не давайте всю буханку одному, ломайте. И, правда, кому досталось, прячет за пазуху. Тогда мы сочли это чисто немецким, а теперь вспоминаю картину и думаю: так ли? Иоланта Кульпинска, польская коллега, прошедшая Майданек, подарила свою книгу «Социология концлагеря» (название точно не помню). Общий смысл в том, что у большинства социальное уступает место животному-инстинктивному. Или же надо принять во внимание социальную ситуацию, по Томасу [57] и Знанецкому [58], которые ввели это понятие в социологию?

Перестройка – еще одно «судьбоносное» событие, как любил говорить Горбачев. В Ленинграде тележурналисты Максимовы [59] предложили организовать ежемесячную передачу «Общественное мнение», о чем я говорил в связи с Левадой. В студии приглашенные в программу и их «команды» спорили на какую-нибудь перестроечную тему, например обсуждали

проект Закона о кооперативах, о порядке выборов на Всесоюзный съезд народных депутатов (нужны ли выборы по «курциям» от компартии, профсоюзов, Академии наук и проч.). В двух точках города установлены экраны, и в студию транслируют мнения собравшихся. Социологи во главе с Кесельманом подсчитывают голоса тех, кто звонит по телефонам студии «за» – «против». Это делается несколько раз. Я комментирую распределения голосов. Программа пользовалась невероятным успехом, люди сидели у телеэкранов почти как тогда, когда шли серии «Семнадцать мгновений». Ядов стал своего рода звездой ТВ. Однажды опаздывал на передачу и не мог поймать такси. Останавливается (я не поднимал руку) парень на мотоцикле и предлагает подбросить. С ним и примчались к телецентру. Программа Максимовых была пионерной, теперь интерактивный формат привычен. Они хвастаются, что американцы ее копировали и приглашали для этого к себе.

Путч Янаева [60] и других «героев», как многие их именуют нынче, застал нас на эстонском хуторе. Люка отговаривает ехать в Москву, говорит, что эта революция уже «не наша». Пусть едет Коля. Я звоню в институт, чтобы использовали типографию для размножения листовок. Тем временем к Таллину подходит танковая колонна из Ленинграда. Прибежал сосед Энн Вахемаа и предлагает спрятать нас у него на чердаке. Говорит: «Чердак большой, лес рядом». Танки командующий Ленокругом повернул назад, народ бросал цветы танкистам. Коля в Питере дежурил в толпе на площади Декабристов и уехал назад после того, как Собчак [61] с балкона Ленсовета объявил об аресте путчистов.

Нынешние суждения о путчистах представляются мне кощунственными. Вижу на телеэкране эстонского ТВ танки. Если бы они одолели, мы имели бы войну с тремя балтийскими государствами, страшнее Чечни, и не исключено – с введением миротворцев ЕС. Узники Бутырки не должны сидеть в Думе.

В общем, жизнь моего поколения перенасыщена историей отечества. Не говорю уж о том, что не мог себе вообразить, что доживу до нового тысячелетия. Я пережил не только Люку, но по возрасту и обоих родителей. Поэтому вполне справедливой полагаю встречу с ними в загробном царстве, в каковое, увы, не верю. Да и тоскливо должно быть современному человеку в раю: созерцать Господа и наслаждаться красотами Эдема. Это рабы мечтали об освобождении от непосильного труда. Игорь Кон сказал однажды: почему бы не изучать образ смерти, не только образ жизни? Он прав. Образ смерти столь же важен для понимания культуры и человека, как и образ жизни.

В самом начале нашей беседы ты сказал: «Надо, по возможности, влиять на движение социальных планет». Как это можно сделать?

Надо выступать в массовой печати и на ТВ с оценками нынешней российской ситуации. Пока еще выступать перед широкой аудиторией можно. Ситуация не из лучших. Фонд ИНДЕМ Юрия Сатарова [62] представил в апреле этого года итоги экспертного опроса относительно возможных сценариев будущего России до 2008 г. – президентских выборов.

Первый сценарий – «Вялая Россия»: инерционное движение в сторону неустойчивости режима, конфликты в элитах, усиление дезинтеграции. Второй – «Диктатура развития»: сильная власть ради модернизации, борьба с коррупцией. Третий – «Охранная диктатура»: ужесточение режима. И четвертый – «Новая русская революция», но не в сторону демократии, а в сторону державного национализма.

Владимир Путин в последнем Президентском послании сформулировал цели, укладываемые во второй сценарий. Но думаю, что не исключен и первый. Партия Единая Россия объявила фракции – левую и правую. Всем понятен замысел. Он предполагает контроль над обеими. Но у нас бывает и так, что регулируемые вдруг становятся саморегулируемыми, в данном случае могут почувствовать силу и действовать, не спросив старшего. Вероятность общегражданской демократической мобилизации оценивается сегодня крайне низко. Так что формула А. Ахизера [63] – Россия – исторически «расколотое общество» вполне актуальна. Начиная с церковного раскола при Петре, прозападники воюют с русскими фундаментами. В отличие от китайцев, мы по характеру своему не склонны искать «золотую середину». Плюс «азиатский способ производства», наши институциональные матрицы. Из четырех сценариев ИНДЕМа нет ни одного, который бы не укладывался в отечественную матрицу.

Еще одно соображение. Попробуй играть в «Если бы директором был я», то есть президентом. Давить ОМОНОм стариков и старух нельзя. Идти на уступки означает дать сигнал: жми, получится. Триста, не тысячи, сотрудников РАН вышли на демонстрацию протеста в июне. Председатель Думы тут же объявил, что создает комиссию из ученых и депутатов и решение о реформах РАН не будет принято без ее одобрения.

Что мы как единомышленники можем сейчас предпринять? Надо активно выступать с профессиональными аргументами в пользу социал-демократического будущего страны. Общество нуждается в общенациональной солидаризирующей идеологии. Она не может быть придумана и внедрена сверху: такая

идеология «произрастает сама по себе» из доминирующих общественных настроений, из массовой психологии. Г.В. Плеханов спорил с В.И. Лениным, доказывая, что идеология кристаллизуется из массовой психологии. Ленин же призывал партийную интеллигенцию вносить научную пролетарскую идеологию в сознание рабочих. Внесенная таким путем идеология как-то быстро утратила доверие. Для этого потребовалось лишь нескольких лет постсоветских реформ. Два года тому назад я писал: «Если России предстоит обрести свое достойное место в мировом сообществе, оставаясь собою, то историко-культурные традиции, включая семидесятилетие советской власти, не дают нам иной идеологической альтернативы, помимо концепции (идеи) справедливого общества». Борьба с коррупцией, независимые суды, справедливые ставки налогов по прогрессивной системе и многое другое – это и есть то, чего люди требуют. Президент в послании народу 2005 года говорил о политике социальной справедливости. В. Путин произнес фразы, желательные гражданам, намерен ли он следовать этому курсу, остается под вопросом.

В каком смысле социологи могут содействовать такому сценарию российского будущего? Например, у нас в запасе аргументы от Парсонса [64]. Он видел преодоление аномии в становлении генерализированных ценностей. Generalized values – это ценности, принятые большинством и, главное, – удерживающие ядро прежних. Справедливость – исторически русская, христианская, советская и, наконец, общечеловеческая ценность. Наш профессиональный и гражданский долг – исследовать реальные возможности утверждения справедливости путем использования соответствующих экономических и социальных механизмов. Экономисты, вроде Примакова [65], Львова, давно говорят об этой проблеме. Власти пока не слышат (Примаков продержался в премьерах несколько месяцев). Если социологи «подсобят», может, что-то и сдвинется?

В последние годы я всячески пропагандирую работу Антони Гидденса «Третий путь» [66]. Третий он называет его потому, что ни социализм, ни либерализм не считает адекватным нынешним реалиям. Государственные институты не способны эффективно осуществлять социальную политику. Слишком велико этнокультурное разнообразие, мозаика социально-статусных групп и прочее (это в Англии, что говорить о России!). Он предлагает перенести центр тяжести в социальной политике на community – местные соседские сообщества и выделить в бюджете государства нужные средства напрямую в их адрес. Тони Блэр в предисловии к книге написал, что ее должен прочитать

«каждый сознательный лейборист», а Секретарь ЕС (его высказывание помещено на рекламной обложке) откликнулся так, что, мол, теперь мы знаем, в каком направлении развивать политику Евросоюза. Европа ориентируется на возрождение своего рода «общинных ячеек в миросистеме по месту проживания», но для нас это традиционно, стоит лишь дать импульс.

Надо сказать, что по части стремления влиять на ситуацию в пользу оптимального, как мы думаем, сценария примером служит Юрий Левада. В апреле он выступил на конференции в память Леонида Гордона [67] и, обращаясь к коллегам, призвал (именно призвал) не стоять в стороне, но объединиться для солидарных гражданских действий социологического сообщества.

Николай Лапин [68] – другой пример. Он сейчас предпринимает массу усилий для осуществления исследовательского проекта «Региональная карта России». Исходит из того, что страна анклавизирована и фактически состоит из множества особых обществ, так что унитарная программа трансформаций должна корректироваться по регионам. Питерские коллеги, надо сказать, вполне на высоте в смысле гражданской активности. Так что можешь включить в проект коллективное интервью с твоими друзьями по части возможностей социологов влиять на события. Тем паче, что в Питере события сейчас развиваются стремительно. Ближайшие годы предоставят социологам немало «эмпирии» для осмысления и обсуждения с обществом вечного российского вопроса «Что делать?»

Примечания

1. Александров Александр Данилович (1912–1999).
2. Асеев Юрий Алексеевич (1928–1995).
3. Иванов Владимир Георгиевич (р.1922, Санкт-Петербург).
4. Козлова Мария Семеновна (р. 1933), Москва.
5. Козлов Борис Игоревич (1931-2010).
6. Львов Дмитрий Семенович (р. 1930), Москва.
7. Кудрявцев Владимир Николаевич (р. 1923), Москва.
8. Бобков Филипп Денисович (р. 1925), Москва.
9. Новодворская Валерия Ильинична (р. 1950), Москва.
10. Иванов Вилен Николаевич (р. 1934), Москва.
11. Заславская Татьяна Ивановна (р.1927), Москва.
12. Осипов Геннадий Васильевич (р. 1929), Москва.
13. Руткевич Михаил Николаевич (1917-2009).
14. Сигов Ивглаф Иванович (1925-2010).
15. Черкасов Гелий Николаевич (1928 –1988).
16. Шкаратан Овсей Ирмович (р. 1931), Москва.
17. Парыгин Борис Дмитриевич (р. 1930), Санкт-Петербург.
18. Фирсов Борис Максимович (р.1929), Санкт-Петербург.

19. Алексеев Андрей Николаевич (р. 1934), Санкт-Петербург.
20. Кон Игорь Семенович (1928-2010).
21. Алферов Жорес Иванович (р. 1930), Санкт-Петербург.
22. Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998).
23. Лосенков Владимир Авксентьевич (1947–середина 1990-х).
24. Кесельман Леонид Евсеевич (р. 1944), Германия.
25. Чубайс Анатолий Борисович (р. 1955), Москва.
26. Лапин Николай Иванович (р. 1931), Москва.
27. Костюшев Владимир Владимирович (р. 1955), Санкт-Петербург.
28. Саганенко Галина Иосифовна (р. 1940), Санкт-Петербург.
29. Свенцицкий Анатолий Леонидович (р. 1936), Санкт-Петербург.
30. Мертон, Роберт (Robert Merton, 1910–2003).
31. Лесохина Людмила Николаевна (1928–1992) – жена В.А. Ядова.
32. Хильде Химмельвейт (Hilde Himmelweit, 1918–1989).
33. Андреева Галина Михайловна (р. 1925), Москва.
34. Левада Юрий Александрович (1930-2006).
35. Капица Петр Леонидович (1894-1984).
36. Харчев Анатолий Георгиевич (1921–1987).
37. Возрикова Лилия Викторовна (р. 1941), Санкт-Петербург.
38. Протасенко Татьяна Захаровна (р. 1946), Санкт-Петербург.
39. Докторова Людмила Дмитриевна (р. 1941), с 1994 года живет в США.
40. Божков Олег Борисович (р. 1941), Санкт-Петербург.
41. Водзинская Вера Васильевна (1928-19..).
42. Магун Владимир Самуилович (р. 1947), Москва.
43. Голофаст Валерий Борисович (1941-2004).
44. Шапиро Владимир Давыдович (р. 1937), Москва.
45. Косолапов Михаил Самуилович (р. 1944), Москва.
46. Шереги Франц Эдмундович (р. 1944), Москва.
47. Гофман Александр Бенционович (р. 1945), Москва.
48. Галкин Александр Абрамович (р. 1922), Москва.
49. Милгрэм Стенли (Stanley Milgram, 1933–1984).
50. Кон Мелвин (Melvin Kohn, 1928), Балтимор, США.
51. Ельмеев Василий Яковлевич (1928-2010).
52. Ядов Николай Владимирович (р. 1957), Санкт-Петербург.
53. Медведев Рой Александрович (р. 1925), Москва.
54. Солженицын Александр Исаевич (1918-2008).
55. Николаев Леонид Васильевич (1904–1934).
56. Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941).
57. Томас Уильям (William Thomas, 1863–1947).
58. Знанецкий Флориан (Florian Znaniecki, 1882–1958).
59. Тамара Вениаминовна Максимова и Максимов Владимир Евсеевич.
60. Янаев Геннадий Иванович (р. 1937), Москва.
61. Собчак Анатолий Александрович (1937–2000).
62. Сатаров Георгий Александрович (р. 1947), Москва.
63. Ахиезер Александр Самойлович (р. 1929), Москва.
64. Парсонс, Толкотт (Talcott Parsons, 1902–1979).
65. Примакос Евгений Максимович (р. 1929), Москва.
66. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Malden, Mass.: Polity Press. 1999.
68. Гордон Леонид Абрамович (1930–2003).
69. Лапин Николай Иванович (р. 1931), Москва.